

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К НАУКЕ И ТВОРЧЕСТВУ

(интервью Ю.М. Резника
с проф. А.Л. Журавлевым,
июль–август 2010 г.)

У истоков профессии

Резник Юрий Михайлович: С моей точки зрения, Вы, Анатолий Лактионович, – настоящий профессионал, посвятивший себя служению науке. Бог дал Вам одновременно талант теоретика и практика, а также руководителя научного коллектива.

Чем обусловлен Ваш выбор психологии как сферы профессиональной деятельности? Почему именно она стала Вашим настоящим призванием?

Журавлев Анатолий Лактионович: Выбор психологии как сферы моей деятельности, по моему мнению, объясняется интересом к человеку. К человеку и, прежде всего, к его психологическим особенностям, хотя не только. Особое внимание я проявлял к изучению физиологических, антропологических и других характеристик. И этот интерес я очень долго не осознавал, но понял это только благодаря сотрудничеству с другими людьми. Во многом, это шло от друзей, от моих преподавателей и учителей. Я хорошо помню, как многие из них говорили мне о том, что у меня философский склад ума. Что это означало, я не совсем понимал, но в принципе думал, что это какая-то очень серьезная и положительная характеристика. Такие оценки я слышал со стороны учителей, когда они мне говорили: «Вам надо идти в науку». Мне непонятно было, что служило основанием для подобных рекомендаций, но мне это нравилось, и идти в науку я уже был готов сразу же. Более того, я никак не возражал, и никогда не говорил, что это дело, мол, не мое или что-то в этом роде. Это было еще в школьные годы, во время моего общения с учителями, с одноклассниками, с друзьями.

Когда же я учился в машиностроительном техникуме, то там познакомился с самыми широкими понятиями, фактически, впервые столкнулся с феноменами «резервы организации труда», «резервы повышения производительности труда» и т.п. Но, пожалуй, наиболее интересным из этой совокупности резервов мне казалось то, что было связано с человеком, с его возможностями, с проблемой снятия каких бы то ни было ограничений в его деятельности и т.д. Дело в том, что мы проходили производственную практику после окончания 3 курса (это было летом и осенью 1966 г.), поэтому в течение шести месяцев работали на заводе. Я работал, в частности, в инструментальном цехе и очень хорошо помню, что часто задумывался над тем, как по-другому организовать труд, неоднократно обсуждал эту проблему и искал реальные возможности ее решения. Я задавался простым вопросом: почему делается именно так, хотя можно сделать совсем по-другому? И такие вопросы меня занимали и интересовали.

Очень важным фактором для выбора мною профессии психолога оказались спецкурсы, которые мы слушали по программе подготовки в названном выше техникуме. К таким курсам, повлиявшим на формирование моих интересов, я отношу, конечно, курсы «Технической эстетики» и «Технику безопасности на производстве». Именно в содержании этих курсов оказались вопросы, которые меня глубоко заинтересовали. Они были прежде всего связаны с человеком, в частности, проблемы воздействия на человека дизайна, цвета, формы окружающих предметов и т.д., т.е. всего того, что входит в содержание понятия «рабочая зона» и более узко – в понятие «рабочее место». Это было связано также с тем, как сам человек влиял на состояние производства, на производительность труда, т.е. многое зависело от него самого. И в этой связи вспоминаются очень интересные случаи, которые мы обсуждали, например, когда человек становится причиной некоего уникального трудового поведения, которое приводит к грубому нарушению техники безопасности. Я хорошо помню, что не все вопросы, составляющие содержание этих курсов меня интересовали, а именно та часть, которая была содержательно связана с отношением и поведением человека.

Для меня очень важным в ваших вопросах является вопрос о призвании. Если согласиться с тем, что психология для меня – призвание, то нужно признаться, что всерьез я об этом стал задумываться значительно позже, уже в очень зрелом возрасте. Наиболее активно стал размышлять над этим в период, когда отмечался мой второй юбилей – 60-летие. Тогда было очень много разговоров, всяких высказываний и вопросов ко мне в тех же интервью, в частности. И я обнаружил для себя, что у меня в жизни не было ни одного случая, когда бы я думал о смене профессии или всерьез задумался над тем, чтобы заняться чем-то другим. А я хорошо понимаю, что это означает, ведь до профессионального выбора психологии я учился в машиностроительном техникуме и та специальность, к которой я готовился, называлась «технология обработки металла резанием», соответственно, я должен был стать техником-технологом и вполне мог бы идти далее по этому направлению. Однако я уже тогда понял, что это вовсе не мое дело и, выбрав психологию, в последующие годы ни разу не усомнился в правильности своего поступка. Это было и остается моим! Это и сейчас меня удивляет! Но это действительно так было и есть.

Конечно, работая продолжительный период в психологии, я неоднократно переживал за какие-то неудачи; иногда мне казалось, будто что-то не получается, но это никогда не приводило меня к мыслям об уходе из профессии. Просто в тот момент я оставлял какое-то начатое конкретное дело, либо что-то мне приходилось по несколько раз переделывать. Конечно, что-то не получалось – бывало по всякому, могу признаться, совсем нередко, как это может показаться, но на этом все и заканчивалось. Был какой-то внутренний предел, до которого я никогда не доходил, и который никогда не вызывал иных желаний, кроме интереса к психологии. Может быть, это и есть показатель призвания? Мне сложно до конца и с полной уверенностью сказать так, потому что речь идет именно обо мне. Чтобы завершить ответ на этот первый вопрос, я хочу сказать: «Да, мне всегда была интересна психология, мне всегда был интересен человек, а точнее – разные люди, с их разными особенностями. И вот этот интерес меня чаще всего мотивировал, он поддерживал тонус в моих профессиональных занятиях. В этом я абсолютно уверен!»

Ю.М.: Как известно, в молодости мы мечтаем о многом, принимая решения о том, что непременно станем космонавтами, путешественниками, одним словом, героями наших дней. Когда Вы впервые заинтересовались наукой? И как Вы пришли в психологию?

А.Л.: Мечты мои, как подростка, связаны с наукой. Это удивляет даже меня, а не только моих близких, ибо об этом я стал говорить достаточно рано. Впервые, я хорошо помню, и тому есть свидетели — это мой друг, я ему говорил о том, что хочу работать в науке осенью, когда еще учился в 7-м классе. Именно в беседах, в очень продолжительных беседах, связанных с профессиональным выбором и самоопределением, которые мы вели с моим самым близким другом и ровесником — с Виктором Кузнецовым. Бесед было много, в которых я говорил, повторяю, он тому свидетель, что буду работать в науке. Хотя в то время я еще не знал, в какой конкретно науке, но был уверен, что именно в науке. Думаю, не понимал я как тогда, так и, честно скажу, не понимаю и сейчас, откуда возникло это желание, что является его реальным источником.

Моя мама очень часто говорила, обращаясь ко мне: «Ну, откуда, Толя, у тебя это?». Она никогда не называла слово «психология», но всегда говорила именно так: «Откуда это взялось? Кто тебя этому научил?». Я ответить раньше не мог и сейчас не могу. Значительно позднее, когда мы уже стали совсем взрослыми, в телефонных разговорах с моим другом Виктором Кузнецовым я неоднократно слышал такие же суждения в форме вопросов: «Как ты мог тогда знать, что будешь работать в науке, ведь ты же говорил об этом прямо. Откуда это возникало?». Я не знал, откуда, но это, действительно, так было.

На мой приход уже более конкретно в гуманитарную науку (а психология относится именно к этому направлению) повлияло также мое знакомство с содержанием попавшего мне в руки сборника научных трудов, знакомство чисто случайное. Этот сборник — один из выпусков серии «Человек и общество». Я купил его весной 1966 г. Кстати, он издается до настоящего времени Научно-исследовательским институтом комплексных социальных исследований при Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете. Для чего я его приобрел? Чтобы ознакомиться с результатами исследований, содержание которых я еще не понимал. Но интуитивно я оценивал свои возможности так: я смогу так работать и такие статьи писать, но мне надо готовиться.

С этими собственными сокровенными признаниями я откровенно делился с Виктором Кузнецовым. Показывая ему сборник, я и не удивлялся его вполне естественной реакции: «Зачем ты его приобрел?». Мне же это было, действительно, интересно, но осознать это до конца, как бы рационализировать ситуацию пока было сложно. Я сейчас не хочу этого делать.

Пошел же я в психологию, узнав, что открылись факультеты психологии в Московском и Ленинградском университетах (это произошло в том же 1966 г., т.е. я еще не закончил свою учебу в техникуме, но думал о профессиональном выборе) и мне стало абсолютно понятно, что это мое призвание, хотя у меня не было почти никаких представлений об этой науке. И когда я поступал в 1967 г. на факультет психологии Ленинградского университета, а это был всего второй набор на факультет, то на собеседовании я фактически никаких знаний о психологии не продемонстрировал, кроме большого желания. Однако, только услышав о факультете психологии, я понял, что это мой выбор и я обязательно должен поступить на этот факультет.

Очень хорошо помню, что в течение первых двух курсов меня сильно интересовала жизнь ученых. В тот период жизни мне были доступны (через систему букинистической книги) книги, написанные авторами о жизни и творчестве ученых. Я очень много прочитал такой литературы: что-то отмечал для себя, что-то подчеркивал, ставил восклицательные знаки, где-то ставил волнистые линии, где-то — кавычки. То есть фактически я делал то же, что делаю сегодня с научной литературой, когда ее читаю. Это были книги о физиологах, биологах, психологах в меньшей степени. Я знакомился с их жизнью и творчеством и ничего не обнаруживал того, что бы я не принимал, о чем я бы сказал, что это мне не нужно, я этого не хочу. Казалось, что ко всему тому, о чем читал, я уже был готов.

Уже позднее я стал задумываться о том, почему меня не интересовала жизнь людей из других творческих сфер, или, скажем, жизнь исторических личностей, политиков, музыкантов и т.д. Был у меня также интерес к критической литературе, в которой анализировались классическая русская литература, классические произведения известных русских писателей. Это литературно-критические труды Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Стасова, и еще работы целого ряда других критиков, менее известных. Любопытно и то, что меня интересовали только их аналитические работы, только совершаемый ими разбор поведения литературных героев известных произведений. Все эти штрихи позволили мне понять, почему я заинтересовался наукой, и почему пришел именно в психологию.

Об учителях в науке

Ю.М.: Кому Вы обязаны своим профессиональным выбором и становлением? Кто является Вашим учителем (или учителями) в психологии?

А.Л.: Конечно, ярко выраженного, какого-то одного человека, который бы в прошлом направил меня, поставил бы на путь психологии, не существовало. Но способствовали этому в первую очередь два человека, которые и определили, в конечном счете, мой профессиональный выбор, и им я во многом обязан тем, что работаю в психологии.

Первым среди них я выделяю Лидию Михайловну Шелюто, преподавателя русского языка и литературы, выпускницу филологического факультета Ленинградского государственного университета. Я признателен ей, прежде всего, за формирование моего интереса к классической русской литературе, к психологии человека — литературного героя. Мне было важно понять, почему они становились такими, какими они были. Более конкретно, конечно, Дубровский и Пугачев у Пушкина, Печорин у Лермонтова, Чичиков у Гоголя, Обломов у Гончарова. К героям Льва Николаевича Толстого я относился и отношусь по-особому и по-прежнему испытываю интерес к Болконскому и Безухову. В то же время мне был непонятен Базаров у Тургенева, в психологии которого я пытаюсь разобраться до сих пор, желая хотя бы как-то понять противоречия его характера.

Наряду с вышеназванными литературными героями я, безусловно, питал огромный интерес к многочисленным героям Чехова, а также героям Островского. Я до сих пор считаю, что Островский является непревзойденным знатоком русской жизни и его герои — это определенные социотипы и психотипы России второй половины XIX в.

Лидия Михайловна Шелюто показывала нам тонкости литературного анализа, которые позволяли передать психологию человека. Я до сих пор уверен, что литера-

турный анализ имеет большие преимущества по сравнению с другими видами анализа в передаче психологии человека.

Вторым человеком, который помог мне сформировать интерес к психологии человека, был Тимофей Леонтьевич Моргачев, учитель рисования и черчения в восьмилетней школе, который стал одним из моих наставников в жизни и одним из моих старших товарищей, более того — друзей. Тимофей Леонтьевич формировал (осознанно или неосознанно) интерес к психологии человека через пробуждение моего интереса к русскому изобразительному искусству, причем это важно отметить, что именно к портретному жанру. Тому жанру, который позволял передать душу человека, его психологию, возможности или ограничения.

Именно благодаря Моргачеву я познакомился и искренне полюбил многих русских художников и, в первую очередь, Кустодиева с его незабываемыми женскими портретами, с его оригинальной серией, посвященной русским социотипам по роду своих занятий. Я полюбил также Петрова-Водкина и Серебрякову, скульпторов Голубкину и Коненкова. Тимофей Леонтьевич сформировал мой интерес к портретам Нестерова и Серова, и многих-многих других художников, которых я не в состоянии сейчас всех перечислить. Вообще, Моргачев был человеком очень оригинального художественного типа. У него был свой взгляд на искусство и не только русское. Он хорошо знал мировое искусство и также познакомил меня с целым рядом западных художников, с работами Ренуара и Матисса, Ван Гога и Гогена, Дали и Родена и др. Но все же наибольший след оставляли книги и иллюстрации работ русских художников. Осознание этого наступило у меня достаточно давно, и в последующие периоды интерес к тому, что заложил во мне Тимофей Леонтьевич, только усилился.

Вторая же часть данного вопроса связана с моим профессиональным становлением как психолога, и это, конечно, имеет отношение к обучению в Ленинградском государственном университете, на факультете психологии, где сконцентрировались мои профессиональные учителя.

Прежде всего, мне хотелось бы подчеркнуть, что я представляю конкретную научную школу в психологии — школу Бориса Герасимовича Ананьева, а также его ученика и продолжателя, моего учителя Бориса Федоровича Ломова. Поэтому, если выделять кого-то из большого ряда учителей, то это, безусловно, Ананьев и Ломов. Конечно же, университетский период моего профессионального становления связан с целым рядом других выдающихся психологов, моих преподавателей и фактических учителей. Это — Владимир Николаевич Мясищев, Лев Маркович Веккер, Нина Александровна Тих, Августа Викторовна Ярмоленко, Елена Федоровна Рыбалко, Евгений Сергеевич Кузьмин, Нина Васильевна Кузьмина, Алексей Александрович Бодалев и многие другие, специально подчеркну еще раз, выдающиеся психологи.

Велика роль в моем становлении как профессионала Юлии Георгиевны Трошихиной, которая в течение четырех лет выступала моим единственным научным руководителем при подготовке трех курсовых и дипломной работы на факультете психологии. Это — сравнительный психолог, которая занималась исследованиями психики животных и человека, известный специалист в области филонтогенеза памяти, точнее, мнемической функции, как она это обозначила в своей монографии. Она очень доверяла мне, моей профессиональной подготовке, уважала меня как человека, что позитивно отразилось на моей будущей работе. И сегодня я вспоминаю о ней

с огромной человеческой благодарностью. Вот это и есть мои учителя по университетскому периоду, когда происходило мое профессиональное становление.

Из числа ученых из других научных организаций большую роль в моей профессионализации сыграл Борис Дмитриевич Парыгин, который работал вначале на философском факультете университета, а потом перешел в другой вуз – Педагогический институт имени А.И. Герцена. Независимо от этого на моих студенческих глазах он с помощью большого числа учеников возрождал отечественную социальную психологию. Его влияние на меня оказалось очень сильным, но я понял это значительно позже. Тем не менее, независимо от того, когда это мною было понято, я очень признателен Борису Дмитриевичу. Он показал, как формируются новые отрасли психологии. Для меня это было важно потому, что я в последующем принимал участие в формировании отечественной психологии управления, а в еще более поздний период – экономической психологии.

Время обучения в аспирантуре Института психологии Академии наук СССР связано для меня с несколькими именами психологов, которых я также считаю своими учителями. Это, конечно, Борис Федорович Ломов, организовавший и возглавивший Институт психологии в системе Академии наук СССР, а также известные психологи – Владимир Федорович Рубахин, который выступил моим научным руководителем при подготовке кандидатской диссертации, Екатерина Васильевна Шорохова и в большой степени Константин Константинович Платонов. Интересно то, что это были преимущественно специалисты, связанные с ленинградской психологической школой, за исключением Платонова, который представлял другое направление.

Безусловно, в этот период сильное впечатление на меня произвели представители философско-психологической школы Сергея Леонидовича Рубинштейна: Абульханова Ксения Александровна, Анцыферова Людмила Ивановна и Брушлинский Андрей Владимирович. Я их называю вместе по многим причинам: во-первых, потому, что они являются непосредственными учениками Сергея Леонидовича Рубинштейна; во-вторых, они продолжительный период вместе работали, вплоть до смерти Андрея Владимировича; в-третьих, они имели общие научные интересы к проблемам психологии мышления и психологии субъекта, проблемам развития личности и формирования ее жизненного пути, а также целому ряду методологических проблем. Они служили примером верного отношения к науке и своей научной школе, образцом общей культуры и научной этики и т.д.

Думая о своих учителях, я хочу открыто сказать о моей мечте. А она заключается в желании когда-то написать книгу «Мои учителя». Таково ее условное название, потому что реальность такова, что учителей у меня было значительно больше, чем я смог назвать. И мне проще назвать своих учителей, чем учеников. Трудность состоит еще и в том, что очень сложно понять, кто есть ученик, а кто таковым не является. Учителей же я представляю себе более четко.

И еще один комментарий, который мне хотелось бы высказать в связи с учителями. Мы сейчас говорим о профессиональных учителях, именно тех, кто оказал влияние на меня как на профессионала. Однако я замечаю в своих размышлениях такую важную деталь: профессиональным учителем становится для меня тот специалист, который подходит по своим человеческим качествам. Я думаю, что подобное «сито» работает у многих людей, поэтому при взаимодействии со своими учениками необходимо это обстоятельство иметь в виду тоже.

О критериях и направлениях научного творчества

Ю.М.: *Что Вы больше всего цените в своем научном творчестве – свободу мысли, ощущение новизны, прорыва в неизведанное? Что еще, скажите?*

А.Л.: В научном творчестве наиболее ценным для меня является, конечно же, движение мысли. Это особое состояние, лежащее в основе производства нового знания, в частности, психологического. Это состояние лежит в основе творчества, которое мне приходится регулярно испытывать и переживать.

Для меня очень важно и ценно войти в такое состояние, «поймать» его и находиться в нем относительно продолжительный период. На этот процесс влияют условия, разные факторы, учесть которые практически невозможно. Вот такое состояние я называю «движение мысли». Его мне приходится испытывать в двух основных формах: во-первых, во время написания научного текста; во-вторых, во время размышлений. Но в любом случае оно связано с речью. Разница только в том, с какой речью – с письменной, обращенной «во вне», или с «внутренней» речью. Однако результаты своих размышлений и переживаний, передаваемых в обозначенной мною форме, я спустя некоторое время, с небольшой отсрочкой, стараюсь тоже изложить письменно, хотя, замечу, не всегда это получается. Я стараюсь заниматься творческим делом именно в таких состояниях.

Ю.М.: *Если бы перед Вами стоял выбор, то что бы Вы выбрали, прежде всего, на профессиональном поприще – карьеру известного ученого, работающего в одном из престижных научных учреждений, работу преподавателя, которого любят студенты и ценят коллеги, позицию признанного лидера научной школы или авторитетного руководителя научного учреждения?*

А.Л.: Предложенный выбор – это, собственно, реальные желания или возможные притязания того, к кому обращен ваш вопрос. И я понимаю очень хорошо, что здесь важна моя первая реакция, к которой обычно и призывают психологи, когда кого-то опрашивают. Я выбираю (или предпочитаю) карьеру ученого. Не обязательно известного, но все-таки карьеру профессионального исследователя. И здесь для меня не столь принципиально, речь идет о теоретике или экспериментаторе. Главное – это то, что меня привлекает, и чего, наверное, мне недостает сейчас в полной мере. Меня привлекают исследования, в т.ч. организация исследований, получение новых первичных данных, их анализ, многократная обработка, интерпретация и т.п.

Второе, о чем я точно могу сказать, это – то, что я не выбирал. Я не выбирал, конечно же, карьеру преподавателя, причем по очень многим причинам. Хотя работа с молодыми учеными, прежде всего аспирантами, соискателями и докторантами, безусловно, мне приносит удовлетворение, но при обязательном соблюдении некоторых серьезных условий. Это должно быть совместное творчество с учениками, научное сотрудничество.

Конечно, я ожидаю при этом высокой мотивированности учеников, их профессиональной подготовленности. Хочется, чтобы это были современные специалисты, у которых можно было бы тоже учиться. Это предполагает, конечно, наличие собственных научных интересов у учеников, а не только привлекательность для молодого человека «работы на авторитет». Я, конечно, хорошо понимаю, что интересное занятие состоит в том, чтобы быть полезным для молодых, иметь возможность передавать им свой научный и профессиональный опыт. При этом очень важно продолжить (и это крайне необходимо!) демонстрировать примеры своей научной дея-

тельности. И меня радуют, конечно, достижения моих учеников значительно больше, чем мои собственные результаты.

Кроме взаимодействия и сотворчества с учениками меня очень привлекает научное сотрудничество с моими коллегами, сотрудничество на равных, а не иерархически организованные отношения. Причем меня интересует взаимодействие с представителями из разных отраслей психологии и родственных ей наук. Именно в итоге такого сотрудничества исследователей рождаются принципиально новые результаты, формируются новые научные направления, возникают оригинальные гипотезы. Я это испытывал неоднократно. Таких примеров сотрудничества с коллегами у меня очень много. И мне хотелось бы даже привести некоторые примеры.

Например, с Ларисой Григорьевной Дикой, заведующей лабораторией психологии труда ИП РАН, мы совместно разрабатывали научное направление, пограничное между психологией труда и социальной психологией, которое обозначается как психология адаптации человека в социальной среде. В настоящее время с нашим участием развивается такая междисциплинарная отрасль психологии, как *социальная психология труда*.

Совместно с Еленой Алексеевной Сергиенко, заведующей лабораторией психологии развития ИП РАН, разрабатывалась психология разных видов зрелости человека, включая социальную, нравственную, социально-психологическую зрелость и т.д. Нами совместно сформировано в Институте такое научное направление, как психология совладающего поведения человека, прежде всего в социуме.

Третий пример касается сотрудничества с Надеждой Владимировной Тарабриной, руководителем лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН, с которой мы разрабатывали особенности междисциплинарных исследований в психологии, а в настоящее время приступили к разработке проблем психологической безопасности.

Четвертый пример – сотрудничество с Дмитрием Викторовичем Ушаковым, руководителем лаборатории психологии и психофизиологии творчества ИП РАН, по направлению «Роль интеллектуального потенциала в формировании конкурентоспособности страны». Очень важная, общественно значимая и крайне актуальная тема для современной России.

Мне хочется подчеркнуть, что такое сотрудничество, когда оно возникает, чаще всего продолжается длительное время, а направление исследований становится традиционным. И что особенно важно, мы не прекращаем индивидуальную научную работу как исследователи.

Ю.М.: *Что Вы больше всего цените в научном творчестве – служение идеалам науки, страсть к познанию истины, возможность самоутверждения и самореализации, беспокойство и дерзновение духа или что-то другое? И что для Вас является главным критерием профессионализма в науке?*

А.Л.: Главный критерий, по моему мнению, это – истинность полученных результатов. Истинность, проверенная научным опытом. Именно истинный научный результат становится показательным в науке. Но это для меня долгосрочный критерий. Он действительно главный и наиболее продолжительно действующий. Но есть и среднесрочный критерий – это крупный научный результат, получивший признание в профессиональном научном сообществе. Именно сообщество экспертов оценивает полученный результат как крупный и признаваемый. Это тоже критерий.

Справедливым в оценке профессионализма также может оказаться и краткосрочный критерий, под которым я понимаю, прежде всего, новый яркий научный результат. Факт получения нового знания — это главное в науке и научном творчестве. Он не может быть достигнут в отсутствие профессионализма. И в данном случае под таким результатом могут пониматься, во-первых, научные данные, полученные в ходе исследований, во-вторых, это — выявленная закономерность, установленная тенденция, сформулированная новая гипотеза или полученные результаты систематизации в науке, например, разработанная классификация.

Что же касается того, что я больше всего ценю в научном творчестве, то не буду перечислять альтернативы, которые предлагаются для выбора в вашем вопросе, а сразу скажу, что я более всего ценю сейчас *служение науке*. Это то, что называется «нести свой крест», который на тебя возложен в соответствии с тем, что ты можешь или должен делать. По сути, это труд и служение одновременно. Сейчас я это больше всего ценю в людях, занимающихся наукой. Конечно, мои представления о наиболее ценном в научном творчестве изменялись на протяжении жизни. И здесь, возможно, была существенная динамика. Ранее меня мотивировало преимущественно чувство познания предмета исследования, продвижение в понимании предмета. Это захватывало, будоражило мое душевное состояние. Наверное, это и можно называть дерзновением духа, хотя мне сложно квалифицировать это одним словом.

Конечно, это не означает, что сейчас моя исследовательская работа менее мотивируется таким чувством познания. Но с возрастом и профессиональным опытом появляются другие мотивы, потребности и интересы. В науке существуют ситуации, когда *нужно* делать то, что ты *обязан*, *должен*, когда от тебя что-то *требуется*, *ожидается*. Вот в этих случаях не всегда приходится идти вслед за дерзновениями духа. Помните, это то, о чем я говорил выше. Эти связаны с энергетическими и временными затратами, колоссальными напряжениями, продолжительными переживаниями. И они имеют отношение к тому, что я называю термином «служение». По крайней мере, я так понимаю то, о чем вы меня спрашиваете.

О личном вкладе в науку

Ю.М.: Анатолий Лактионович! Вы занимаетесь разными областями психологии, но в последние годы отдали предпочтение социальной и управленческой психологии. Что Вы считаете своим главным научным достижением в науке — отдельные исследования, которые привели к успешным результатам, книги, получившие известность, хороших учеников? Не опасаясь показаться нескромным, как бы Вы оценили свой личный вклад в развитие психологических исследований в нашей стране?

А.Л.: Конечно, речь идет и о конкретных исследованиях, и о учениках, и т.д. Мне легче всего рассказать о моих учениках, которыми я горжусь и которых считаю одним из своих научных достижений. Именно в них я вижу продолжение и развитие тех научных направлений исследований, которыми мне приходилось заниматься ранее самому. Отдельные из них смогли обосновать новые научные направления в психологической науке. Например, Владимир Петрович Позняков с 1992 г. разрабатывает социальную психологию российского предпринимательства. Александр Николаевич Лебедев с 1993 г. формирует экспериментальную психологию рекламы и маркетинговых коммуникаций. Алла Борисовна Купрейченко, начиная с 1998 г.,

разрабатывает проблемы нравственно-психологической детерминации экономического сознания и поведения индивидуального и группового субъекта.

Те, кого я сейчас перечислил, это, собственно говоря, наиболее яркие и известные из моих учеников, которые стали докторами наук, сформировались как зрелые личности, и, что очень важно, развивают собственные научные направления, признаваемые профессиональным сообществом. В свою очередь, все они уже имеют своих учеников.

Далее я хотел бы сказать о некоторых важных этапах моей научной деятельности. Начну с того, что в середине 2012 г. исполнится ровно 40 лет моих профессиональных занятий в области психологии. И этот период для меня делится на четыре относительно автономных десятилетия. За этот период среди основных научных достижений я бы выделил мое участие в формировании двух отраслей психологической науки.

Во-первых, я принимал участие совместно с моими учителями в формировании отечественной психологии управления. И это было еще 1970-е гг. Моими учителями в данном случае и старшими коллегами выступали Б.Ф. Ломов, В.Ф. Рубахин, А.В. Филиппов, А.И. Китов и другие. Кандидатская диссертационная работа, защищенная мною в 1976 г., есть первое конкретное эмпирическое исследование, выполненное в отечественной психологии управления.

Моя работа была посвящена индивидуальному стилю руководства производственным коллективом, трудовым коллективом. Формирование отечественной психологии управления связано, прежде всего, с разработанной структурой психологии управления, авторским пониманием предмета, предложенной системой основных объектов психологии управления, выделенными основными научными направлениями исследований, сформулированными понятиями психологии управления и т.д. Фактически, была разработана концепция индивидуального стиля руководства и его социально-психологическая типология. Мною предложена также оригинальная методика оценки индивидуального стиля руководства, вошедшая в совокупность лучших профессиональных психологических тестов. Причем исследования велись не только мною, но и другими специалистами, когда я уже не работал по данной проблеме. Нами были предложены самые разные варианты методики оценки стиля руководства, а также ее различные модификации применительно к оценке этого стиля в разных отраслях народного хозяйства и т.д.

В 1980-е гг. я занимался исследованием психологии совместной трудовой деятельности. В это десятилетие фактически была разработана психологическая концепция совместной деятельности, коллективных форм ее организации и коллективного субъекта. Это можно рассматривать как важный вклад в развитие отечественной социальной психологии. Почему я так считаю? Потому, что для понимания профессиональных интересов исследователя наиболее значимым показателем является его профессиональная идентификация, а именно то, с какими из отраслей науки он себя идентифицирует. Я могу сказать о себе, что самая глубокая идентификация связана у меня с тремя отраслями современной психологии. Это — психология управления, социальная и экономическая психология. Однако пограничные отрасли психологии, тесно связанные с перечисленными, меня тоже интересуют. Я имею в виду организационную психологию, психологию личности и психологию труда. Но это все-таки второй круг в структуре моих профессиональных интересов.

Еще одна отрасль психологии, в становлении которой я принимал непосредственное участие в 1990 г., формировалась мною совместно с моими учениками и в целом лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН, которой я руководил и продолжаю руководить. В период 1990-х гг. основным своим научным итогом я считаю концепцию зонального взаимодействия социально-психологических и социально-экономических факторов. Эта концепция была разработана благодаря продолжительным конкретным исследованиям динамики социальной психологии личности и группы в изменяющихся экономических условиях российского общества. Для меня это остается очень важным научным результатом. Нами были сформулированы теоретические представления о предмете экономической психологии и основных направлениях исследований, теоретические представления об экономическом сознании, самосознании и поведении субъекта, причем индивидуального и коллективного.

В 2000-е гг. занятия директорством, руководством Института стали занимать у меня много времени, усилий и внимания. Хочу отметить, что это совершенно другой вид деятельности — организационно-управленческий. И эти занятия неизбежно повлияли на структуру моих научных интересов, особенно на их реализацию. Меня стали интересовать более общие вопросы, имеющие отношение ко всей современной психологической науке. Это — тенденции развития современных психологических исследований и наиболее перспективные, «прорывные» научные направления. Я занимался, и продолжаю заниматься анализом особенностей междисциплинарных исследований в психологии, которые весьма многообразны. Мне удалось выделить три таких исследования, каждый из которых имеет свою специфику. Это — разработка психосоциального подхода к анализу психических явлений, который стал применяться наряду с широко известными и достаточно проработанными в истории психологии психофизическим и психофизиологическим подходами. Психосоциальный подход значительно менее разработан. Меня неизбежно стала интересовать роль психологической науки в современном российском обществе. Очень важным в связи с последним направлением моих интересов является вопрос об основных формах интеграции фундаментальных исследований в психологии и общественной практике, интеграции теоретического и практического знания.

О научной школе Института психологии РАН

Ю.М.: На кого Вы опираетесь, предпринимая усилия по формированию научной школы в области социальной психологии? Кто Ваши ближайшие соратники и ученики? Есть ли у Вас намерение создать собственную научную школу? Или такая школа уже существует? Тогда попросу Вас назвать ее главное направление исследований и основных представителей.

А.Л.: Сначала скажу о главном. В области социальной психологии есть научная школа, которую я представляю, основатели которой работали в Институте психологии АН СССР и частично — в Российской академии наук. Такими *основателями научной школы* я считаю Б.Ф. Ломова, Е.В. Шорохову и К.К. Платонова. И очень важно сказать об этом прямо и назвать их имена. *Второе поколение* — это, конечно, П.Н. Шихирев, С.К. Рошин, О.И. Зотова, В.Г. Казаков, С.С. Паповян и другие, которые, к сожалению, тоже ушли из жизни, как и основатели научной школы, но они стали их достойными последователями. В настоящее время моими ближайшими соратниками

именно по социально-психологическим исследованиям в нашем институте – ИП РАН – является целая группа известных специалистов. Они, по сути, составляют *третье поколение* нашей школы, к которой отношусь и я. Это – В.А. Кольцова, В.А. Соснин, М.И. Воловикова, Т.П. Емельянова, Е.Н. Резников и В.П. Левкович.

Дополнительно мне хотелось бы выделить выходцев из нашей научной школы, представители которой у нас стали докторами наук, а теперь работают в российских региональных научных центрах. Сегодня они фактически развивают нашу научную школу. Это, конечно, ярославский социальный психолог Виктор Васильевич Новиков, очень известный специалист. Это – курский социальный психолог Алексей Сергеевич Чернышев. Это – Игорь Рудольфович Сушков, работающий в Ивановском государственном университете. Я бы назвал еще Гриценко Валентину Васильевну, профессора Смоленского гуманитарного университета, которая заведует кафедрой социальной психологии в этом университете. Все эти ученые продолжительный период формировались в нашей школе, регулярно выносили на обсуждение свои научные труды. Можно было бы продолжить этот ряд, но этот круг людей, составляющий современное поколение нашей научной школы, является группой моих ближайших соратников.

Конечно же, я не без гордости хочу сказать и о моих учениках, специалистах высшей квалификации, докторов и кандидатах наук. Они составляют *четвертое поколение* нашей научной школы. Это – Позняков и Лебедев, Купрейченко и Хашенко, Дробышева и Хашенко, Тугарева и Дорофеев, Оконешникова и Колесникова, Безносилов, Ширяев и Ле Хао, Матюхина и Соколова, Осипенко и Поддубный, Сивашенко и Галкина. Таких учеников у меня всего девятнадцать. Однако я не могу не сказать и о развитии нашей школы социальной психологии. Так, пять моих учеников уже подготовили в общей сложности 13 кандидатов и докторов наук. Они составляют следующее, фактически, *пятое поколение* нашей школы, будучи включенными в русло наших исследований, но их работы связаны теснее с исследованиями моих учеников.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о пяти поколениях нашей научной социально-психологической школы, представители трех из которых работают в настоящее время. Сейчас я активно работаю с новыми квалифицированными исследователями, занятыми подготовкой кандидатских и докторских диссертаций. К этой группе специалистов относятся Ольга Лунева, Тимофей Нестик, Ирина Соина, Наталья Орлова и другие.

Теперь несколько слов о главном научном направлении исследований и о специфике нашей школы; о том, чем мы отличаемся от других школ России. Я бы выделил главное: это разработка пограничных междисциплинарных проблем социальной психологии и других отраслей психологической науки. Наиболее интересные и квалифицированные научные исследования в нашей школе выполнены по социальной психологии личности, социальной психологии труда, организационной психологии, психологии управления, экономической психологии, этнической, исторической психологии, социально-экологической психологии и др.

Эти междисциплинарные научные отрасли и направления не только имеют свою специфику, но и порождают новую проблематику. Они позволяют говорить о нашей школе как *интегративной*, школе междисциплинарных исследований. И это неизбежно вырастает из принципов организации самого Института психологии: именно

интегративные, междисциплинарные, комплексные, системные исследования с самого начала замышлялись основателем нашего института Борисом Федоровичем Ломовым. Таким же образом складывалась социальная психология в ИП АН СССР (ИП РАН).

Я говорю об этом, переживая гордость за свою научную школу, основателями которой выступают такие выдающиеся ученые, как Б.Ф. Ломов, Е.В. Шорохова и К.К. Платонов.

О предстоящих планах

Ю.М.: Каким Вы видите свое научное будущее? Какой из научных проектов Вы планируете завершить в ближайшие годы? И есть ли у Вас долгосрочный исследовательский замысел, реализация которого рассчитана не на одно десятилетие и предполагает привлечение молодых ученых?

А.Л.: Мое научное будущее во многом будет определяться сферой научного руководства работой аспирантов, выполнением ими диссертационных исследований. Я также связываю его с авторской и соавторской работой над конкретными научными темами, подготовкой научных текстов – статей и монографий, личных и коллективных. Надеюсь, что мое научное будущее сопряжено с совместной научно-исследовательской работой с другими сотрудниками, моими коллегами, а также с редакторской работой над сборниками научных трудов по наиболее актуальным проблемам современной психологии. Таким образом, если говорить в общем, то, безусловно, научное будущее я связываю с научными исследованиями в целом.

Однако существуют конкретные научные проекты, которые я планирую выполнить в ближайший период, и их значительно больше, чем я смогу реализовать. Это, к сожалению, так! Некоторые из них, наиболее важные для меня, я все же хочу назвать.

Первый проект – «Актуальные направления психологических исследований», в котором мне хотелось бы обобщить, систематизировать то, над чем пришлось работать в научном плане именно последние восемь лет, т.е. когда я стал совмещать научную работу с работой директора. За этот период в проблемно-постановочном и аналитическом плане было сформулировано несколько научных направлений исследования, обоснование которых выходило в виде разрозненных публикаций, отдельных статей, многочисленных научных докладов, прочитанных и в институте, и на разных научных психологических и, прежде всего, междисциплинарных конференциях. Все это мне хотелось бы представить именно в этом проекте в более глубоком и одновременно систематизированном виде.

Второй конкретный проект я условно называю так: «Социально-психологическое пространство личности и группы». Этот исследовательский план сформулирован совместно с одной из моих учениц, с Аллой Борисовной Купрейченко. И очень хотелось бы в этом направлении, во-первых, обосновать понятие социально-психологического пространства, соотнести его с другими понятиями, используемыми в психологии, такими как мир, среда и др. В связи с этим, во-первых, необходимо выявить закономерности конструирования личностью и группой социально-психологического пространства. Во-вторых, для нас очень принципиально обосновать пространство как регулятор социального поведения человека, как его детерминанту и фактор.

Хочется сказать и о третьем проекте, который, вероятно, будет реализоваться несколько позднее – это продолжение исследований самоопределения личности и

группы. Дело в том, что в 2007 г. в Институте психологии РАН вышла книга «Экономическое самоопределение», в которой, во-первых, была разработана общая психологическая концепция самоопределения и, во-вторых, выделены закономерности функционирования и развития конкретной формы самоопределения – экономического самоопределения. В настоящее время есть замысел – перейти к изучению социального самоопределения. Некоторые виды самоопределения достаточно разработаны и очень неплохо, имеются крупные исследования, посвященные, например, профессиональному или личностному самоопределению, а вот по экономическому и особенно по социальному самоопределению, в настоящее время крупные работы отсутствуют.

Это ближайшие как краткосрочные, так и среднесрочные мои планы. Конечно, для дальнейшего развития Института психологии РАН есть некие перманентные направления, которые и выступают, собственно, стратегическими научными проектами, тесно связанными друг с другом. Прежде всего, я имею в виду историю и современное состояние научных школ. Это очень важные теоретические и научно-практические вопросы. В теоретическом плане важно, конечно, определить, что такое научная школа, как ее конкретно квалифицировать, что может быть названо научной школой в конкретных отраслях и, что такое общая научная школа Института в целом. Этот вопрос очень серьезный и долгосрочный. С ним тесно связан «вопрос вопросов» для развития нашего института – это дальнейшая разработка методологии и теории современной психологии.

Можно предположить, что такой долгосрочный проект рассчитан как на высококвалифицированных ведущих сотрудников, так и на молодых специалистов, способных включиться в этот проект. Их усилия должны быть направлены на выдвижение новых, современных идей, разработку новых методов и принципов исследования, а также технических средств получения первичных научных данных, их анализа и обработки. А это одновременно проблемы методологии исследования и его организации. Именно в этом молодые специалисты, как я ожидаю, могут оказаться очень полезными, и, я надеюсь, что они таковыми будут.

Окончание следует